

УДК 177.1:177.8

Е. А. Коваль

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: nwifesc@yandex.ru

РИТОРИКА ДОВЕРИЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С РИТОРИКОЙ НЕНАВИСТИ²

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей использования риторики доверия как способа противодействия некооперативной коммуникативной стратегии – риторике ненависти. Актуальность темы обусловлена тем, что публичное использование риторики ненависти становится обыденным явлением, которому пытаются дать ценностно-нормативное обоснование (способ внутригруппового сплочения, поддержания боевого духа населения государства, атакуемого агрессором, и даже способ реализации свободы слова). Однако негативные последствия распространения риторики ненависти в публичном пространстве обуславливают потребность поиска путей переориентации от коммуникативной конфронтации – к коммуникативной кооперации, от риторики ненависти – к риторике доверия. При помощи методов анализа и обобщения исследованы два способа такой переориентации: политкорректный (понуждение к использованию риторики доверия и поощрение за ее использование) и расширенное воспроизводство доверительных отношений в обществе (формирование объективных предпосылок риторики доверия). Показаны преимущества и недостатки данных способов, сделан вывод о необходимости выхода в пространство конфликта таких оснований коммуникативных стратегий, как ненависть и доверие.

Ключевые слова: социальное доверие, ненависть, вражда, риторика ненависти, риторика доверия, моральная интуиция, коммуникативная стратегия, политкорректность, социокультурная угроза, риск.

Е. А. Koval

The Mid-Volga Institute (branch) «The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)»,
Saransk, Russia, e-mail: nwifesc@yandex.ru

THE TRUST SPEECH AS A COMMUNICATIVE STRATEGY TO COMBAT THE HATE SPEECH

Annotation. The article is devoted to the study of the possibilities of using trust speech as a way to counter such non-cooperative communication strategy as hate

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-00094-ОГН ОГН-А

speech. The relevance of the topic is due to the fact that the public use of hate speech is becoming commonplace, which is given a value-normative justification (a way of intragroup cohesion, maintaining morale during a war, and even a way to realize freedom of speech). However, the spread of hate speech has negative consequences. Therefore, it is necessary to find ways of refocusing from communicative confrontation to communicative cooperation, from hate speech to trust speech. Two ways of refocusing from hate to trust are investigated: politically correct (compelling the use of trust speech and encouragement for its use) and expanded reproduction of trust in society (forming objective conditions for trust speech). The advantages and disadvantages of these methods are analyzed. It is necessary to combat the hate speech in the space of conflict of hate and trust as the basis of communication strategies.

Keywords: social trust, hate, enmity, hate speech, trust speech, moral intuition, communication strategy, political correctness, sociocultural threat, risk.

Распространенность и обыденность коммуникативных ситуаций, участники которых используют негативные стереотипы и клише, агрессивные высказывания, изображения, аудио- и видеоконтент, элементы одежды и т.п. для выражения враждебного отношения к какому-либо лицу или группе лиц, государству или межгосударственному образованию свидетельствует о низком уровне социального доверия.

В российском законодательстве содержится такое основание для увольнения, как утрата доверия. К сожалению, утрата доверия сегодня становится если не жизненным лозунгом, то нормой в сфере публичных коммуникаций. Утрата доверия к правительству (собственному и чужому), средствам массовой информации, экспертам по различным вопросам, друг другу демонстрируется открыто и часто враждебно. Верующие не доверяют атеистам, либералы не доверяют консерваторам, больные не доверяют врачам, а врачи – больным. Мигранты не доверяют местным жителям, а местные жители не доверяют мигрантам, находя все новые и новые угрозы, связанные с ними: угроза занятости (мигранты отбирают рабочие места), угроза здоровью (мигранты способствуют распространению заразных заболеваний), угроза безопасности (мигранты совершают преступления и правонарушения). Разрушаются доверительные отношения как внутри сообществ, так и между сообществами.

При этом объективные основания солидаризации членов общества не исчезают, общие ценности продолжают воспроизводиться, однако агрессивная коммуникация субъектов в публичном пространстве способствует тому, что деструктивные коммуникативные стратегии становятся предпочтительнее конструктивных.

Одна из причин происходящего – привычка говорить друг с другом, прибегая к риторике ненависти, которую можно определить как способ выражения крайне неприязненного отношения к различным субъектам по таким признакам, как пол, возраст, раса, национальная принадлежность, религиозные или политические убеждения, идеология и др.

Риторика ненависти – один из популярных переводов англоязычного выражения «hate speech» (наряду с «языком вражды»). Еще один вариант – «разжигание ненависти» – используется в русском переводе рекомендации Комитета Министров государств-участников Совета Европы по вопросам разжигания ненависти № R (97) 20, принятой 30 октября 1997 года. В данной Рекомендации «hate speech» определяется как «...все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями» [23].

Данное определение поддается расширительному толкованию, поскольку в нем заложена корреляция видов ненависти с видами нетерпимости, а развитие концептов «толерантность» и «интолерантность» позволяет говорить о расширении перечня признаков и качеств, которые интерпретируются как объект нетерпимого отношения. Если в 80-е годы XX века американские юристы использовали выражение «hate speech» для обозначения ненависти, возникающей на основании расовой нетерпимости [22], то уже к концу 90-х к расовой ненависти добавились ксенофобия, национализм, враждебность к меньшинствам (перечень которых тоже не является замкнутым) и др.

Как отмечает С. А. Колосов, анализируя содержание определения риторики ненависти, сформулированное в Рекомендации, оно «...оперирует концептами, являющимися ключевыми для политического дискурса (раса, антисемитизм, национализм, этнос, меньшинства), который непосредственно связан с идеологией» [10]. В самом деле, приведенное выше понятие риторики ненависти является узким, имеющим конкретные историко-культурные и социально-политические корни. Попытаемся дать определение понятию «риторика ненависти» в широком смысле, обратившись к сущности обоих слов, входящих в это выражение.

Понятия «ненависть» и «вражда» не являются синонимами, хотя имеют близкое значение. В российском законодательстве эти понятия имеют самостоятельное содержание. Например, в ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации используется оборот «возбуждение ненависти либо вражды». Содержание данных понятий раскрывается при помощи теоретико-методологического инструментария юридических наук, социологии, психологии, лингвистики и др. Однако особый интерес представляют этический и социально-философский ракурсы исследования ненависти и вражды.

А. Смит в работе «Теория нравственных чувств» относит ненависть к неприятным антиобщественным страстям, отмечая, что при этом «...мы охотнее желаем, чтобы наши друзья разделяли нашу ненависть, чем наше расположение к другим людям» [16, с. 37]. Смит описывает принципиально важный в исследуемом контексте коммуникативный аспект ненависти. Для того чтобы ненависть воспроизводилась, она требует постоянной поддержки со стороны

«своих». Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют получать такую поддержку круглосуточно в режиме онлайн. И если «свои» могут не только ненавидеть «чужих», но и сочувствовать представителями группы «своих», то сторонние наблюдатели, изначально не вовлеченные в конфликт, могут «отравиться» ненавистью, не испытывая ни к кому сочувствия. Например, если в социальной сети размещается материал, автор которого обращается к риторике ненависти, и комментаторы реагируют с использованием той же риторики, то читатели страницы могут испытать отвращение к автору сообщения, комментаторам, группам, чей нормативный статус дискредитируется при помощи риторики ненависти, наконец, к самой риторике ненависти. Смит называет такое отвращение естественной реакцией на ненависть [16, с. 57].

Необходимо отметить, что Смит выделяет нравственные контексты, в которых ненависть уместна, например, ненависть к пороку. Аналогичным образом существует и нормативная враждебность. Такая враждебность может проявляться к злему существу и является «следствием нашей универсальной благожелательности» [16, с. 231].

А. П. Скрипник определяет враждебность как одну из протоформ нравственного зла (наряду с распущенностью), которая выражается «в различных модификациях отрицательного отношения» [15, с. 18-19] к Другому. «Поведенческое проявление враждебности – насилие по отношению к человеку, направленное на то, чтобы отнять у него какие-то блага, подавить его сопротивление, убить, изувечить и т. п. Этой позиции сопутствуют чувства гнева и ненависти» [15, с. 19]. Таким образом, враждебность – не только стремление, но и умение причинить ущерб и страдание другому человеку, а ненависть – чувство, которое помогает выразить вражду, крайнюю степень неприятия кого-либо или чего-либо.

А. А. Гусейнов подчеркивает, что вражда – это не характеристика личности, а характеристика межличностных отношений. При этом можно выделить враждебные отношения (в широком смысле это любые конфликты) и вражеские отношения, в которых «...враждебность становится всепоглощающей, охватывает смысложизненную сферу человеческого бытия и переходит в смертельную схватку индивидов, нацеленную на уничтожение противоборствующей стороны» [2]. Можно предположить, что если во враждебных отношениях реализуется широкий спектр чувств (страх, презрение, обида, снисходительность, отчуждение, зависть и т.д.), то для вражеских отношений характерна именно ненависть.

Ненависть может быть выражена при помощи как вербальных, так и невербальных средств. Отдельные образцы риторики ненависти представляют собой целые манифестации. Так, например, в 1977 году члены Национал-социалистической партии Америки получили разрешение Верховного Суда США на проведение марша с использованием нацистской атрибутики через Скоки – деревню с компактным проживанием евреев [21]. Но, несмотря на

эстетизацию, а в некоторых случаях и обоснование нормативности риторики ненависти, как минимум, моральная интуиция (устойчивое убеждение, которое определяет «оценку типических поступков в типических ситуациях») [13, с. 147] подсказывает нам, что можно выделить пул коммуникативных ситуаций, в которых такая риторика неприемлема. В максимально широком смысле необходимо ограничиваться ненавистью к чему-то, избегая ненависти к кому-то. Например, можно ненавидеть манную кашу, но нельзя ненавидеть людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Определяя более узкие границы коммуникативного пространства, в котором риторика ненависти неприемлема, следует обозначать средства, обеспечивающие санкции за ее публичное применение.

Необходимо отметить, что, вероятно, моральные интуиции, в отличие от морального обоснования поступка, в меньшей степени поддаются манипулятивным воздействиям. При наличии совокупности риторических, этических и правовых знаний, умений и навыков можно обосновать если не нормативность, то приемлемость использования риторики ненависти во многих типических коммуникативных ситуациях. Можно доказать себе и окружающим, что риторика ненависти является фактором внутригруппового сплочения, инструментом сохранения *status quo* в затянувшейся конфликтной ситуации, способом поддержания боевого духа населения государства, атакуемого агрессором, формой реализации свободы слова и т.п. Однако сама необходимость доказывать и обосновывать приемлемость обращения к риторике ненависти свидетельствует о том, что существует некое противоречие между отдельными рациональными аргументами и моральными интуициями в определенных коммуникативных ситуациях.

При этом не стоит и абсолютизировать моральные интуиции, поскольку в отдельных случаях они могут быть обусловлены некритическим восприятием моральным субъектом определенной культуры и ее ценностно-нормативных установок. Межкультурные различия часто становятся причиной обращения представителей разных культур к риторике ненависти, и, если при этом субъекты коммуникации ориентируются исключительно на свои моральные интуиции, игнорируя моральное обоснование практик, характерных как для своей культуры, так и для культуры Другого, это чревато формированием некритичной уверенности в собственной правоте и нормальности коммуникации с использованием риторики ненависти.

Оптимальной представляется ситуация, когда частные моральные интуиции объективизируются только в том случае, когда подкрепляются рационально и не противоречат другим интуициям (модель Ф. Кэмм) [13, с. 153]. Так, например, если личность, вступающая в публичную коммуникацию, интуитивно соглашается с нормативностью суждения, выраженного при помощи риторики ненависти и характеризующего культуру Другого, то во избежание противоречивости интуиций аналогичное согласие должно формироваться и в том случае, если риторика ненависти используется в отношении культуры этой

личности. Если же личность рассуждает, апеллируя к двойным стандартам, это свидетельствует о том, что какие-то из ее частных моральных интуиций неверны и требуют пересмотра.

В любом случае, интуитивная оценка допустимости/недопустимости применения риторики ненависти в публичном пространстве, на мой взгляд, обязательно должна дополняться рациональными концептами. Одним из важнейших таких концептов является доверие.

Социальное доверие обозначает не только отношение личности к Другому, но и свойство социальных систем, которое позволяет членам сообщества формировать определенные позитивные ожидания относительно поведения друг друга в стандартных ситуациях. А. Селигмен трактует социальное доверие несколько иначе. Он считает необоснованным сводить доверие к вере или к уверенности в исполнении ролевых ожиданий. Доверие либо недоверие, наоборот, возникает там, где поведение индивида не вписывается в нормативные ожидания. Селигмен в качестве примера ситуации возникновения доверия / недоверия приводит использование профессором на занятиях со студентами нецензурных слов и выражений [14, с. 70].

Отступая от любой из своих социальных ролей индивид, безусловно, рискует. Однако риск и неуверенность в ролевых ожиданиях могут выражаться в некорректной форме, в том числе, при помощи риторики ненависти.

Э. Гидденс, в отличие от А. Селигмена, связывает возникновение доверия не с риском, а со случайностью. При этом он отмечает, что в современном обществе локализация доверия уже не ограничивается родством, локальным сообществом, религией или традицией. «Доверие на личном уровне становится проектом, над которым «работают» его участники и который требует, чтобы один индивид раскрылся перед другим. Там, где это взаимодействие не может контролироваться фиксированными нормативными кодами, доверие должно быть завоевано...» [1, с. 257]. Такой «войне за доверие» очень мешает риторика ненависти, активно используемая в публичном пространстве как гражданами, так и представителями экспертных сообществ (политики, журналисты, деятели культуры, государственные и муниципальные служащие и т.п.).

Если понимать риторику ненависти как умение при помощи вербальных и невербальных средств общения дискредитировать нормативный статус личностей, групп, сообществ по этническим, конфессиональным, политическим, гендерным и иным признакам, то риторика доверия может быть определена как умение использовать средства общения для воспроизводства отношений доверия с различными личностями, группами, сообществами.

Риторика доверия представляет собой перспективную коммуникативную стратегию противодействия использованию риторики ненависти в публичном пространстве. При этом стратегия представляет собой целенаправленную, спланированную коммуникацию, которая не возможна без учета мировоззренческих характеристик субъектов коммуникации. В этой связи представляется удачным определение коммуникативной стратегии,

сформулированное политологом С. Дацюком: «концептуально положенное в технологии мировоззренческое намерение и его действенное осуществление касательно содержания коммуникационного процесса» [4]. Коммуникативная стратегия всегда ориентирована на двустороннее взаимодействие, но специфика взаимодействия во многом определяется содержанием коммуникации. Риторика доверия – открытая стратегия. Она в равной степени адресована всем потенциальным коммуникаторам; мировоззренческие основания такой риторики не содержат установки на дифференциацию людей на «своих» и «чужих». Риторика ненависти, напротив, базируется на такой дифференциации и одновременно рассчитана на сочувствие и понимание со стороны «своих» и на дискредитацию нормативного статуса «чужих». Впрочем, можно отметить случаи, когда коммуникаторы, апеллирующие к риторике ненависти, делают это, не будучи ненавистниками объектов такой риторики. Так, например, публицисты используют риторику ненависти, отражая реальные аспекты коммуникации в эпоху, которую они описывают; журналисты цитируют в новостных сообщениях высказывания, содержащие элементы риторики ненависти; ученые, специализирующиеся на исследованиях определенных объектов, работают с риторикой ненависти. М. Мацуда приводит пример, когда риторика ненависти используется в рекламе книжной серии (1989 год, журнал *Sports Illustrated*). Креолизованный текст содержит изображение свастики, портреты эсэсовцев, а также вербальную часть: «YES! Send me The SS, to examine for 10 days free, as my introduction to THE THIRD REICH» [22, p. 2367] / «Да! Пришлите мне СС, чтобы 10 дней бесплатно изучать мое введение к книге «Третий рейх»». Вероятно, автор рекламы не ставил перед собой цели пропагандировать фашизм, однако он рассчитывал на отклик аудитории, делая выбор в пользу подобной маркетинговой стратегии.

Риторика ненависти и риторика доверия являются конфликтующими коммуникативными стратегиями. Если риторика ненависти – это стратегия конфронтации, то риторика доверия – стратегия кооперации. Н. Н. Кириллова предпочитает называть конфронтационные стратегии некооперативными. К ним относятся «...диалоги, построенные на нарушении этических правил речевого общения – доброжелательного сотрудничества, искренности, соблюдения «кодекса» доверия» [7, с. 28-29]. Необходимо отметить, что риторика ненависти – одна из наиболее жестких и непредсказуемых по своим негативным последствиям некооперативных стратегий.

Можно обозначить, по меньшей мере, два варианта реализации стратегии переориентации от некооперативной риторики ненависти к риторике доверия: 1) ужесточение санкций за использование запрещенных приемов риторики ненависти в публичной среде и понуждение субъектов коммуникации к использованию риторики доверия; 2) поиск и актуализация объективных оснований для восстановления доверительных отношений как внутри социальных групп, так и межгрупповых отношений.

Первый подход реализуется в контексте идеологии политкорректности. Мы можем наблюдать и плюсы, и минусы такого подхода. Самым очевидным преимуществом является то, что этот подход работает. Технологии политкорректности, внедряемые в различные социальные практики, приводят к их изменению. Сочетание кнута (привлечение к различным видам ответственности за обращение к риторике ненависти) и пряника (общественное одобрение и иные формы поощрения за обращение к риторике доверия в публичном пространстве) доказало свою эффективность. Однако негативным моментом является то, что люди перестают говорить, но не перестают мыслить категориями ненависти, вражды, нетерпимости. Страх перед санкциями, даже при условии осознания неотвратимости наказания, является слабым сдерживающим фактором, поэтому при наличии определенных триггеров хрупкое риторическое равновесие легко нарушается, и коммуникативная агрессия находит выход, в том числе, в публичном пространстве.

К сожалению, политкорректное и предельно вежливое общение не гарантирует доверительных отношений между субъектами коммуникации. Как отмечает А. Селигмен, «...чем меньше между индивидами доверия, тем тщательней (даже в наши дни) стараются они соблюдать в своих взаимоотношениях правила вежливости и хороших манер...» [14, с. 74]. Однако не стоит трактовать тезис Селигмена в обратном ключе, поскольку риторика ненависти или иные формы общения, унижающие честь и достоинство субъектов коммуникации, создают социокультурные риски, но ни в коей мере не способствуют формированию доверия.

Более сильным фактором, удерживающим личность от злоупотребления риторикой ненависти, является потребность в общественном одобрении, в симпатии. Д. Юм определяет симпатию как могущественный принцип человеческой природы, способный «...вызвать в нас сильнейшие чувствования одобрения...» [19, с. 652]. Однако в некоторых коммуникативных стратегиях риторика ненависти в отношении «чужих» используется именно в поисках симпатии и признания со стороны «своих». Так, например, британский политик, лейборист Джек Стро опубликовал в 2006 году в издании Lancashire Telegraph колонку, в которой поделился своими впечатлениями о встрече с женщиной в парандже, которая обратилась к нему за помощью в решении проблемы. Стро отметил, что его удивило сочетание английского акцента, образования, полученного в Великобритании, и паранджи³. В этой заметке политик предельно корректно объясняет, почему ему неловко разговаривать «лицом к лицу» с женщинами, лица которых он не видит, и почему он считает, что ношение паранджи затрудняет взаимодействие между разными сообществами. Среди своих сторонников политик, разумеется, нашел единомышленников, но его политические оппоненты сделали выводы о том, что данная заметка повлекла за

³ "I want to unveil my views on an important issue". URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/1530718/I-want-to-unveil-my-views-on-an-important-issue.html>.

собой рост насилия в отношении мусульман, проживающих в Ланкашире [20, р. 460].

Для того чтобы перейти к преобладанию кооперативных стратегий над некооперативными в политико-мировоззренческом контексте идеологии политкорректности может применяться понуждение субъектов, имеющих доступ к публичному пространству, к использованию преимущественно риторики доверия при создании, передаче, трансформации информационных сообщений. Для профессионалов (журналисты, государственные служащие и лица, занимающие государственные должности, преподаватели и др.) такое понуждение может быть институционализировано посредством введения соответствующих норм в кодексы профессиональной этики. Помимо институциональных форм понуждения требуется и самопонуждение к нормативному поведению, которое актуально и для профессионалов, и для иных лиц, транслирующих информацию широкой аудитории, поскольку можно предположить, что большинство людей, вне зависимости от профессиональной принадлежности, в той или иной степени испытывают потребность в симпатии.

Однако если симпатия демонстрируется на почве ненависти, одобрение получает сообщение, изложенное при помощи элементов риторики ненависти, это свидетельствует о своеобразном извращении нравственных чувств современных людей. К сожалению, сегодня симпатия к ненормативному является распространенным явлением. Пабрики и блоги, авторы которых прибегают к риторике ненависти, имеют сотни тысяч подписчиков; журналисты и политики, апеллирующие к риторике ненависти, могут быть более популярными и востребованными чем те, которые соблюдают правила публичной коммуникации. Данный фактор необходимо учитывать в процессе организации переориентации от некооперативных коммуникативных стратегий к кооперативным.

Крайне опасным «подводным камнем» в реализации такой переориентации является ложь. Использовать риторику доверия там, где доверие не лежит в основе взаимоотношений – не вполне честно. Однако данный тезис вовлекает нас в своеобразный порочный круг рассуждений: с одной стороны, риторика доверия необходима, чтобы снизить градус агрессии в публичном пространстве, понудить субъектов воздерживаться от различных форм коммуникативной агрессии, включая риторику ненависти. С другой стороны, для того чтобы такая риторика была эффективной, необходимо, чтобы она находила отклик в обществе, а для этого в обществе должен сформироваться определенный уровень социального доверия. Можно попытаться выйти из этого круга, сославшись на то, что социальное доверие в обществе уже есть, иначе невозможно было бы его нормальное существование и развитие. Риторика доверия в таком случае является одним из способов расширенного воспроизводства социального доверия в обществе.

Принципиально важным в анализируемом контексте становится определение водораздела, отделяющего конструктивную риторику доверия от

моральной демагогии. А. А. Гусейнов определяет моральную демагогию как «...злоупотребление моральной оценкой путем смещения ее векторов: то, что должно быть направлено на других – моральное возвышение – обращается субъектом на самого себя, а то, что должно быть направлено на самого себя – моральное осуждение – обращается на других» [3, с. 8]. Мету между конструктивной риторикой доверия, посредством которой выражается доверие Другому, сопровождающееся его моральным возвышением, и моральной демагогией, когда Другому достается только моральное осуждение, а доверие распространяется на узкую группу «своих», очень легко нарушить.

Не менее опасна и другая крайность – доверие всему и вся. Для того чтобы избежать некорректного использования риторики доверия в тех коммуникативных ситуациях, когда нет объективных оснований для того, чтобы доверять друг другу, необходимо учитывать невозможность полного исключения отношений ненависти из общества. Однако при этом принципиальным является объект приложения ненависти: можно ненавидеть явление, но не того, кто с этим ассоциируется, особенно если есть обоснованные сомнения в том, что этот субъект может быть с явлением и не связан. Например, обозначение национальной принадлежности преступника в новостных сообщениях часто влечет за собой эскалацию риторики ненависти и воспроизводство негативных стереотипов, связанных с этническими группами, мигрантами. При этом очевидно, что не только мигранты или представители определенной этнической группы являются преступниками. Доля преступлений, совершенных представителями этой группы, в общей доле преступлений может быть незначительной. Однако эта информация становится неостребованной, поскольку экономия мышления влечет за собой потребность в готовой картине мира, которой можно воспользоваться, не прибегая к длительным изнурительным процедурам сбора информации из разных источников, сравнительного анализа полученной информации, корректировки собственных убеждений на основании полученных результатов и т.д. Таким образом, безоценочное и безэмоциональное упоминание национальности преступника в СМИ приводит к безосновательному росту агрессии в отношении группы лиц по национальному признаку. Ненависть на основе нетерпимости к преступности не должна переноситься на социальную группу, объединенную по признаку национальности или страны происхождения.

Неконтролируемый всплеск ненависти, провоцируемый сообщениями в СМИ, связан не только с такими явлениями, как социальная аномия, социальная разобщенность, манипуляции сознанием, но и с беспрецедентным расширением доступа к публичному пространству. Современные технологии открывают такой доступ любому человеку, вне зависимости от его личностных характеристик. Прежде это могли делать только отдельные категории граждан, например, политики, управленцы, писатели, преподаватели, общественные деятели. Таким образом, в современных условиях удержание границ между риторикой доверия как коммуникативной стратегией борьбы с риторикой ненависти и моральной

демагогией, в которую могут эти явления вырождаться, становится крайне сложной задачей.

Второй подход к переориентации от риторики ненависти к риторике доверия связан с расширенным воспроизводством доверительных отношений в обществе.

Проблемой формирования доверия в современных условиях является то, что общность ценностно-нормативных установок сложно сохранить в крупных социальных системах: чем больше система, тем плюралистичнее ценностно-нормативное пространство, в котором она функционирует. Поэтому уже не только в публичной, но и в частной сфере отношения все чаще регламентируются законом, выводятся из-под воли индивида, и, следовательно, уже не могут претендовать на статус доверительных. А. Селигмен характеризует данную проблему на примере запрета курения: «Я расценил данный запрет в том смысле, что данная проблема в целом была выведена из-под моей компетенции: теперь это был уже не вопрос, подлежащий согласованию с партнерами по интеракции, а абстрактно-правовое установление [14, с. 202].

Воспроизводство доверительных отношений в современном обществе, несмотря на обозначенные сложности, предпочтительнее, если настоящей целью является не формальное облагораживание публичного пространства, а противодействие коммуникативным социокультурным угрозам и рискам. Социокультурная угроза – это потенциальная опасность для социокультурной системы. На первый взгляд может показаться, что риторика ненависти, в отличие от терроризма, коррупции, избыточного потребления, не является актуальной социокультурной угрозой, и вокруг данной проблемы создается излишний ажиотаж, связанный с достижением политических групповых интересов. Однако в ряде современных концепций коммуникаций подчеркивается, что язык, на котором мы говорим, не просто способ выражения мыслей, но и способ конструирования реальности. Так, например, Н. Хомский и Р. Бервик считают, что коммуникация не может быть полностью предсказуема. Один субъект, вступая в коммуникацию, конструирует реальность, а второй не просто слушает, но и соотносит получающиеся конструкты со своими представлениями о мире [18]. Таким образом, если говорящий использует риторику ненависти, у слушающего остается мало шансов на то, чтобы остаться беспристрастным в данной коммуникативной ситуации. Парадоксальным образом, это не зависит напрямую от отношения слушающего к тому, что высказывается при помощи риторики ненависти. Если слушающий согласен с высказываемым, в нем возбуждается ненависть к объекту соответствующей риторики. Если слушающий не согласен ни с высказыванием, ни с нормативностью риторики ненависти как таковой, в нем возбуждается ненависть к говорящему и к создавшейся коммуникативной ситуации, из которой он не всегда может выйти либо которую не может завершить. Таким образом, риторика ненависти отравляет всех участников коммуникативной ситуации. Филолог еврейского происхождения В. Клемперер, выживший в гитлеровской Германии, пишет об

этом так: «Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка: их незаметно для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо[8].

Несмотря на то, что сегодня мы не говорим на языке Третьего рейха, недооценивать риторику ненависти как социокультурную угрозу не стоит. Осознание риторики ненависти как угрозы является необходимым этапом на пути к выработке оптимальных и эффективных средств противодействия использованию такой риторике в публичном пространстве.

Эффективным способом борьбы с социокультурными угрозами и рисками является задействование государства как самого мощного инструмента поддержания социального порядка и обеспечения безопасности личности и общества. Однако в некоторых сферах общественной жизни вмешательство государства вызывает раздражение. Так, например, подавляющее большинство людей не против того, чтобы государство занималось противодействием терроризму и экстремизму, но при этом резкое отторжение вызывают действия государства, включающие в себя элемент цензуры. К сожалению, в современном мире – мире информационных войн, постправды и фейковых новостей, – переход от слов к делу может быть практически незаметным, и противодействовать терроризму и экстремизму, не вторгаясь в область речевых практик, оказывается просто невозможным.

Ярким примером неоднозначного восприятия обществом государственных мер борьбы с риторикой ненависти является введение в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (в редакции Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ) [17]. Несмотря на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» определяются ограничения применения ст. 282 (высказывания, являющиеся критикой каких-либо организаций, убеждений или обычаев не являются действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды) [12], данная норма права, несмотря на введение административной преюдиции в декабре 2018 года, воспринимается частью общественности как инструмент политического преследования политической оппозиции и иных лиц, неугодных власти. Таким образом, социальная разобщенность, возникшая, в том числе, из-за разногласий о возможностях борьбы с риторикой ненависти как социокультурной угрозой мерами государственного принуждения, снижает эффективность этих мер.

А. П. Скрипник приводит ряд исторических примеров аналогичной ситуации, когда государственное принуждение к нормативному поведению парадоксальным образом влекло за собой не только возникновение иных форм отклоняющегося поведения, но и усиление социальной разобщенности и враждебности: «Борьба против женщин "легкого поведения" в Англии середины XIX в. стимулировала рост детоубийств, введение "сухого закона" в США направило на преступный путь пьяниц, а закона о марихуане – ее курильщиков»

[15, с. 203]. Скрипник предполагает, что причина парадокса заключается в том, что ненормативное поведение не воспринимается населением или его частью как безнравственное по своей природе. В этой связи возникает сопротивление государству и тем мерам, которые оно принимает в целях пресечения ненормативного поведения.

Таким образом, меры борьбы с риторикой ненависти, принимаемые государством, должны соотноситься с иными мерами, в частности, нормами общественной и профессиональной морали.

К сожалению, в существующем виде профессиональные этические кодексы, запрещающие использовать риторику ненависти профессионалам, работающим с публичной аудиторией, являются малоэффективными. Так, например, согласно Декларации принципов поведения журналистов, принятой на Втором Всемирном Конгрессе Международной Федерации журналистов в 1954 году, журналист должен «сделать все возможное для того, чтобы избежать даже невольного стимулирования дискриминации на основе расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального и социального происхождения» [6]. Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне 1978 года запрещает журналистам распространять информацию со злостными намерениями [5].

Аналогичные нормы содержатся в Кодексе профессиональной этики российского журналиста [9], Медиаэтическом стандарте Общественной коллегии по жалобам на прессу [11]. Однако несмотря на обилие норм профессиональной этики, запрещающих журналистам использовать риторику ненависти, практики такого рода являются распространенными.

Возможно, низкая эффективность профессиональных этических кодексов обусловлена тем, что за нарушение моральных норм должны применяться моральные санкции (стыд, совесть, общественное порицание), а их реализацию сложно контролировать (не существует способов выявления силы угрызений совести или стыда; работает парадокс моральной оценки для субъектов, выносящих институциональное общественное порицание, и т.п.).

Следовательно, помимо институциональных способов противодействия риторике ненависти необходима и борьба на личностном уровне. Речь идет о самопонижении к нормативному поведению в публичном пространстве, к использованию риторики доверия там, где для этого есть объективные основания, а также к воспитанию в себе неприятия риторики ненависти, кем бы она ни транслировалась в публичном пространстве.

Добровольное самоограничение свободы выражения мнений стоит того, чтобы спасти общество, членами которого мы являемся, от неизбежной гибели. Как отмечает А. Смит, «общество не может просуществовать долго, если в нем люди всегда готовы нанести друг другу обиду или вред» [16, с. 101].

Ненависть и доверие в основе коммуникативных стратегий образуют ценностный конфликт. Он обостряется тем, что современное общество, в отличие от досовременных, характеризуется утратой чувства духовной близости и общности ценностей. Современный человек, сталкиваясь с непредсказуемым поведением партнера по коммуникации, уже не так сильно рискует, поскольку о высокой степени риска **можно** говорить тогда, когда есть возможность отреагировать на непредсказуемую деятельность Другого, находясь в общей системе координат. Когда такой системы нет, непредсказуемое поведение объективируется, воспринимается как внешняя угроза, опасность, противодействовать которой на личностном уровне крайне сложно. В таких условиях исчезают основания для формирования социального доверия.

Парадоксальным образом, нам нужно выйти хотя бы в пространство конфликта ненависти и доверия, иначе риторика ненависти перестанет восприниматься как социокультурная угроза, мы придумаем ей аргументированное обоснование и смиримся как с нормальной коммуникативной стратегией.

Библиографический список

1. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. 352 с.
2. Гусейнов А. А. Любите врагов ваших [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека по философии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001047/st000.shtml> (дата обращения: 01.05.2018).
3. Гусейнов А. А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 5-12.
4. Дацюк С. Коммуникационные стратегии [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии: аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751> (дата обращения: 23.02.2018).
5. Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне [Электронный ресурс] // Организация Объединенных наций: официальный сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_141.shtml (дата обращения: 15.01.2018).
6. Декларация принципов поведения журналистов [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text10/14.htm> (дата обращения: 15.01.2018).
7. Кириллова Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. № 1. С. 26-33.
8. Клемперер В. ЛТИ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/329741-lti-yazik-tretego-rejha-zapisnaya-knizhka-filologa.html> (дата обращения: 14.05.2018).
9. Кодекс профессиональной этики российского журналиста [Электронный ресурс] // Союз журналистов России: официальный сайт. URL: http://www.ruj.ru/about_organization/kodeks-professionalnoy-etiki-rossiyskogo-zhurnalista/ (дата обращения: 05.05.2018).

10. Колосов С. А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: дисс. канд. филол. наук. Тверь, 2004. 156 с.
11. Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу [Электронный ресурс] // Общественная коллегия по жалобам на прессу: официальный сайт. URL: <http://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015> (дата обращения 18.01.2018).
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 03.11.2016) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Прокофьев А. В. «Не упускай из виду интуиций...» (теоретические проблематизации интуитивных моральных суждений в современной этике) // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 146-163.
14. Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
15. Скрипник А. П. Моральное зло в истории этики и культуры. М.: Политиздат, 1992. 351 с.
16. Смит А. Теория нравственных чувств / вступ. ст. Б. В. Мееровского; подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязнова. М.: Республика, 1997. 351 с. (Б-ка этической мысли).
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб.: Питер, 2018. 304 с.
19. Юм Д. Сочинения в 2-х томах. М.: Мысль, 1996. Т. 1. 735 с.
20. Brown A. What is hate speech? Part 1: the myth of hate // Law and Philosophy. 2017. № 36. pp. 419-468. DOI 10.1007/s10982-017-9297-1.
21. Hate speech // Legal Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://legaldictionary.net/hate-speech/> (accessed: 12.11.2017).
22. Matsuda M. J. Public Response to Racist Speech: Considering the Victim's Story // Michigan Law Review. 1989. No. 8. Vol. 87. pp. 2320-2381.
23. Recommendation No. R (97) 20 of the Committee of Ministers to member states on "hate speech" (30 October 1997) [Electronic resource]. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/home> (29.04.2018).

References

1. Giddens E. Posledstviya sovremennosti (The Consequences of Modernity) / per. s angl. G. K. Ol'khovikova, D. A. Kibal'chicha. M.: Praxis, 2011. 352 s.
2. Guseynov A. A. Lyubite vragov vashikh (Love your enemies) [Elektronnyy resurs] // Tsifrovaya biblioteka po filosofii. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001047/st000.shtml> (data obrashcheniya: 01.05.2018).
3. Guseynov A. A. Moral'naya demagogiya kak forma apologii nasiliya (Moral demagogy as a form of apology for violence) // Voprosy filosofii. 1995. № 5. S. 5-12.
4. Datsyuk S. Kommunikatsionnye strategii (Communicative strategies) [Elektronnyy resurs] // Gumanitarnye tekhnologii: analiticheskij portal. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751> (data obrashcheniya: 23.02.2018).
5. Deklaratsiya ob osnovnykh printsipakh, kasayushchikhsya vkladu sredstv massovoy informatsii v ukreplenie mira i mezhdunarodnogo vzaimoponimaniya, v razvitie prav cheloveka i v bor'bu protiv rasizma i aparteida i podstrekatel'stva k voyne (Declaration on Fundamental Principles concerning the Contribution of the Mass Media to Strengthening Peace and International Understanding, to the Promotion of Human Rights and to Countering Racism, Apartheid and

Incitement to War) [Elektronnyy resurs] // Organizatsiya Ob"edinennykh natsiy: ofitsial'nyy sayt. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_141.shtml (data obrashcheniya: 15.01.2018).

6. Deklaratsiya printsipov povedeniya zhurnalistov (Declaration of Principles on the Conduct of Journalists) [Elektronnyy resurs]. URL: <http://evartist.narod.ru/text10/14.htm> (data obrashcheniya: 15.01.2018).

7. Kirillova N. N. Kommunikativnye strategii i taktiki s pozitsii nravstvennykh kategoriy (Communicative strategies and tactics from the standpoint of moral categories) // Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya «Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii». 2012. № 1. S. 26-33.

8. Klemperer V. LTI. Yazyk tret'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa (The Language of the Third Reich: A Philologist's Notebook) [Elektronnyy resurs]. URL: <https://e-libra.ru/read/329741-lti-yazik-tretego-rejha-zapisnaya-knizhka-filologa.html> (data obrashcheniya: 14.05.2018).

9. Kodeks professional'noy etiki rossiyskogo zhurnalista (Code of Professional Ethics of a Russian Journalist) [Elektronnyy resurs] // Soyuz zhurnalistov Rossii: ofitsial'nyy sayt. URL: http://www.ruj.ru/about_organization/kodeks-professionalnoy-etiki-rossiyskogo-zhurnalista/ (data obrashcheniya: 05.05.2018).

10. Kolosov S. A. Konstruirovaniye sotsial'noy nenavisti v diskurse (Constructing social hatred in discourse): diss. kand. filol. nauk. Tver', 2004. 156 s.

11. Mediaeticheskiy standart Obshchestvennoy kollegii po zhalobam na pressu (Media standard of the Public Collegium on Press Complaints) [Elektronnyy resurs] // Obshchestvennaya kollegiya po zhalobam na pressu: ofitsial'nyy sayt. URL: <http://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015> (data obrashcheniya 18.01.2018).

12. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28.06.2011 № 11 (red. ot 03.11.2016) «O sudebnoy praktike po ugovnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlenosti» // Dostup iz spravochno-pravovoy sistemy «Konsul'tanPlyus».

13. Prokofev A. V. «Ne upuskay iz vidu intuitsiy...» (teoreticheskie problematizatsii intuitivnykh moral'nykh suzheniy v sovremennoy etike) ('Keep your eye on the intuitions...' (theoretical problematizations of intuitive moral judgments in contemporary ethics) // Filosofskiy zhurnal. 2016. T. 9. № 1. S. 146-163.

14. Seligmen A. Problema doveriya (The Problem of Trust) / per. s angl. I. I. Myurberg, L. V. Sobolevoy. M.: Ideya-Press, 2002. 256 s.

15. Skripnik A. P. Moral'noe zlo v istorii etiki i kul'tury (Moral Evil in the History of Ethics and Culture). M.: Politizdat, 1992. 351 s.

16. Smit A. Teoriya nravstvennykh chuvstv (The Theory of Moral Sentiments) / vstup. st. B. V. Meerovskogo; podgot. teksta, komment. A. F. Gryaznova. M.: Respublika, 1997. 351 s. (B-ka eticheskoy mysli).

17. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (Criminal Code of the Russian Federation) // Dostup iz spravochno-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

18. Khomskiy N., Bervik R. Chelovek govoryashchiy. Evolyutsiya i yazyk (Why Only Us. Language and Evolution). SPb.: Piter, 2018. 304 s.

19. Yum D. Sochineniya v 2-kh tomakh. M.: Mysl', 1996. T. 1. 735 s.

20. Brown A. What is hate speech? Part 1: the myth of hate // Law and Philosophy. 2017. № 36. pp. 419-468. DOI 10.1007/s10982-017-9297-1.

21. Hate speech // Legal Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://legaldictionary.net/hate-speech/> (accessed: 12.11.2017).

22. Matsuda M. J. Public Response to Racist Speech: Considering the Victim's Story // Michigan Law Review. 1989. No. 8. Vol. 87. pp. 2320-2381.

23. Recommendation No. R (97) 20 of the Committee of Ministers to member states on “hate speech” (30 October 1997) [Electronic resource]. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/home> (29.04.2018).

Сведения об авторе:

Коваль Екатерина Александровна – профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске, доктор философских наук. Занимается изучением вопросов нормативности морали, права, религии. Автор более 120 научных и учебно-методических работ.

E-mail: nwifesc@yandex.ru.

About the author:

Koval Ekaterina Alexandrovna – doctor of philosophical sciences, professor of the department of criminal procedure law and forensics of The Mid-Volga Institute (branch) The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). Engaged in studying the problems of moral, law and religion normativity. The author of over 120 scientific and educational works.

E-mail: nwifesc@yandex.ru.